

ГЛАВА 1

Большее всего на свете Лерметт любил пропадать где-нибудь. Например, на самой-пресамой верхушке высокоченного дерева. Вот уж оттуда его никакие рыцари не снимут. Не залезут даже. Потому что взрослые и в доспехах. А еще можно затаиться на дне оврага. Или и вовсе утянуться в соседний лес на пару днейков. Там его просто никто не найдет. Разве только собаки... так смешно смотреть, как они кружат по лесу, а голову задрать и на дерево посмотреть ни-почем не догадаются. А если все-таки учуют — точно потеха начинается: как примутся на ствол насканкивать, как возьмутся облаивать! Можно подумать, не принца нашли, а белку... вот глупые! Уже потом, когда отец вместо своры борзых начал посылать в лес одного Дичка, игра стала гораздо интереснее. Дичок никогда не валаивал на горячий след, не тьякал, не поскуливал. Он всегда напрыгивал на Лерметта неожиданно. И не гавкал во всю глотку, призывая дурацких рыцарей. Нет, Дичок ни за что не стал бы так предавать приятеля. Он просто хватал принца зубами за шкуру, закидывал на спину и неизменно доставлял хохочущего мальчишку к воротам замка. Так гораздо лучше, чем угрюмо ковылять домой под опекой усталых от двухдневного шляния по лесу рыцарей.

— Медведь-шатун, — неизменно говорил в таких случаях отец. — Медвежонок-шатуненок.

Лерметт в таких случаях неизменно же приосанивался, взглядывал украдкой в большое полированное зеркало — и всякий раз огорченно сникал. Нет, ну какой же он медведь? Тощий, встрепанный... ни виду, ни силенок. Так, котикша недокормленный. Отец, тот и в самом деле на медведя похож — мощный, кряжистый. Плечи широченные — сразу видать, сколько лет доспехи носит. А вот Лерметту не повезло. Он не в отца удался, а в маму... нет-нет, он любит маму, он ничего такого сказать не хотел... ну, такого... которого... а все-таки лучше бы ему было в отца пойти — как он будет кольчугу надевать, такой хлипкий? Кость узкая, легкая... котикша и есть.

— Какой же я медведь? — горестно спрашивал Лерметт, шмыгая носом.

— Медведь-медведь, — смеялся отец. — Самый настоящий. Ведь вот же и волк клыки показывает, и собака рычит, и кот когти выпускает. По всякому зверю понять можно, сыт он и доволен или злится и хочет напасть. Что лев, что тигр... и только у медведя на морде не написано, какую шкodu он учинить вздумал. В точности как у тебя.

Лерметт обижался окончательно.

— Но это даже хорошо, — добавлял отец. — Для принца это очень даже хорошо... а для короля тем более.

Вспомнив шутливые отцовские подначки, Лерметт только улыбнулся. Почитай, одиннадцать лет минуло с тех пор, как велись эти разговоры... или

даже чуть больше? Странно, с чего бы ему вдруг на память пришла та, совсем было уже позабытая шутка?

Медвежонок-шатуnenок... Давешний медвежонок вырос — но никак уж не медведем. Скорее диким котом или даже леопардом — поджарым, прыгучим и дерзким. А вот шатуном... да, шатуном он как был, так и остался. Ничего не поделаешь — лучше всего принц Лерметт чувствует себя не в замковой библиотеке, не в тронной зале и даже не на площадке для фехтования, а в дороге. Какой бы она ни была — пешей или конной, трудной или легкой... пусть бы и скучной! Для кого угодно скучной — но только не для него. Лерметт никогда не скучал в пути.

Вот и сейчас он дышал легко и привольно — все-таки дорога взяла свое. А ведь на сей раз ему, против обыкновения, отчего-то не хотелось уезжать. Такая отчего-то тяжесть на сердце... да правду сказать, повод у поездки премерзкий. Потому и кошки на душе скребут — еще бы! Лерметт на месте этих воображаемых кошек не только устроил бы из гостеприимно распахнутой души когтедралку, но и зашелся бы гнусным истошным мявом. Мерзкий повод, мерзкий... вот поэтому обычного рыцаря или там наместника недостаточно, чтобы разобраться с тем, что случилось в Луговине. Поэтому он едет — и не в Луговину даже, а за перевал. Простого владетельного сеньора за перевал бы нипочем не пустили — а принца, может, все-таки пустят. И уж во всяком случае, выслушают. Всю свою жизнь, с тех пор как Лерметт начал осозна-

вать себя, он мечтал увидеть, что там, за перевалом. Глупо как-то получается. Ну почему для осуществления заветной мечты непременно должна случиться какая-нибудь гнусность? Неужели нельзя было съездить просто так?

Лерметт покачивался в седле, задумчиво покусывая сладкую травинку. Отвратительная причина его поездки успела если и не забыться полностью, то уж, во всяком случае, примолкла до поры в потаенных уголках сознания и напоминать о себе не пробовала. Зато дорога не нуждалась в том, чтобы напоминать о себе — она и так была повсюду. Она стелилась под ноги коню, ложилась росой на плечи, ветром трепала волосы...

Лерметт натянул поводья, и конь послушно остановился.

Все верно, остаток пути принцу предстоит пройти пешком. По левой седловине перевала дорога хоть и конная, а не ближняя. А по правой всего-то день пути — но пешком. Эх, вот если бы Лерметт не по тягостной надобности отправлялся через перевал, а по своей воле, он непременно поехал бы по левой седловине — не потому, что этот путь легче, а потому, что длиннее. Как же было бы прекрасно — продлить немного томление, готовое разрешиться от бремени ожидания... ехать, лишь смутно догадываясь, что откроется его взору за перевалом, мысленно рисуя себе всевозможные чудеса, мечтать и поддразнивать себя собственными мечтами, смеяться и мечтать снова...

Лерметт снял с седла сумку и забросил себе за спину.

— Домой, — велел он, хлопнув жеребца по серому в яблоках крупу.

Скакун послушно развернулся и легким кентером направился прочь. Принц проводил его взглядом.

Достать, что ли, плащ из скатки заранее?

Да нет, успеется.

Когда серый в яблоках жеребец окончательно исчез из виду, принц обернулся.

Прямо перед ним вздымалась правая седловина Хохочущего Перевала.

Шаг Эннеари был подобен дыханию — легкий, размеренный, упругий. Камни, во множестве усеявшие тропу, его не беспокоили. Эльф просто-напросто не обращал на них никакого внимания... ну, или почти никакого. Для молодого гибкого сильного тела эти гранитные обломки — не препятствие. И вовсе не надо быть опытным скалолазом, чтобы преодолеть Хохочущий Перевал. Даже человек пройдет его за день — а эльф, пожалуй, и того быстрее обернется. Если, конечно, изберет правую его седловину, а не левую — безопасную, пологую, с широкой дорогой, по которой не только всадник, но и телега проедет... и потратит на этот путь почти три дня. Правую седловину не одолеешь ни в телеге, ни даже верхом — только пешком. Зато и пройти ее можно от восхода до заката. Оно верно, что осыпи и камнепады здесь случаются нередко — ну, да ведь какой эльф, если он в полном уме и сознании, под камнепад ползет! Такая беда разве что с человеком случиться

может. А эльф опасное место загодя почует, десятой дорогой обойдет.

К слову сказать, об опасном месте — вот этот валун вовсе не так надежно лежит, как вид оказывается. Притворяется каменюка. Разлегся поперек тропы — такой громадный, такой обманчиво неподвижный... ну прямо так и кажется, что нет силы, способной стронуть его с места. Что тут долго думать — хватайся за приманчивый выступ, видишь, вот же он, просто как нарочно сюда приделан! — ухватись, взлезь на валун да спрыгни по другую его сторону! А на самом деле стоит ухватиться за выступ — и валун перевернется, накатит на доверчивого путника и подомнет его под себя.

Эннеари присвистнул тихонько и задрал голову кверху. Что же... можно и так. Валун, конечно, не ко времени на пути подвернулся, и лезть на него не просто опасно, а самоубийственно — но зачем же лезть, если можно обойти? Вот по этой каменной стене и обойти. Она хоть и выглядит устрашающе — да зато в отличие от валуна действительно надежна. И гораздо удобнее для подъема, чем на первый взгляд кажется. Есть на ней и щербинки, и трещинки... будет, куда ногу поставить. Кстати, не так уж высоко лезть придется. Этот обрыв всего-то в десять раз выше Эннеари... ну ладно, в двенадцать. Тоже не расстояние. А там, наверху, проходит еще одна тропинка. Очень удобная. Пожалуй, еще удобнее, чем нижняя. Вот только спускаться по ней придется чуточку дольше... или все-таки нет? Если прибавить шагу, сумерки его не нагонят.

Да и в любом случае другой дороги в обход здесь нет — разве что вернуться назад и попытаться счастья на той развилке тропы, которая уходит круто вниз сразу за Цветными Камнями. Вернуться — и потерять не час-другой, а полдня.

Ну вот еще!

Эннеари вновь смерил взглядом расстояние до гребня стены, без всякой нужды поправил зачем-то и без того удобно висящий колчан и положил кончики пальцев на шершавые каменные заусенцы.

Подъем и впрямь оказался нетрудным. Ни разу рука Эннеари не ошиблась в поисках очередного выступа, ни разу нога его не соскользнула с мимолетной опоры. Он и сам не знал, откуда взялось неожиданное ощущение опасности. Словно кто-то невидимый замолотил его спину кулаками, давясь безмолвным криком — и этот несуществующий крик разрывался таким безысходным отчаянием, что Эннеари невольно сделал то, чего никак уж нельзя делать, когда поднимаешься по отвесной стене. Покоряясь внезапному призыву, пусть несуществующему, но оттого не менее властному, он обернулся — обернулся навстречу уже не предчувствию, а тугому гневному свисту, тяжелому и неумолимому.

Стрела, которая должна была угодить ему в основание шеи, вспорола его левую щеку.

От резкой боли пальцы Эннеари враз ослабели и разомкнулись. Уже понимая, что не успеваает, что он сейчас упадет, эльф попытался было сомкнуть пальцы снова — но вместо камня они уцепились за пустоту, и та же самая пустота быстро колыхнулась

перед глазами, ударила по ушам гулками ладонями, дернула за каждый мускул, за каждое волоконце, изгибая, вздыбливая, направляя в неверную сторону... пустота наполнила собой легкие, плеснулась в мозг, смывая и горы, и небо, и боль в раненой щеке... а потом устремилась вниз, увлекая за собой потерявшее опору тело, вниз, туда, где нет ничего, кроме нее, всевластной пустоты, — потому что ничего другого на этом свете нет и вовсе. Вот только она лгала — внизу были камни, была тропа, на которую Эннеари рухнул, самую малость не добравшись до гребня... а еще внизу была темнота.

Эннеари потерял сознание очень ненадолго. Очнулся он быстро, вдоха за два... а очнувшись, понял, что снова не успел. Какого-то жалкого мгновения не хватило, чтобы встать... встать, открыть глаза, раны залечить... не хватило.

— Эй, да ведь это не он! — слышался хриплый голос. — Это другой. С-сволота остроухая!

Кованый сапог с размаху угодил эльфу под ребра. Эннеари почти сумел уже разлепить клеенные кровью ресницы — но удар заставил его вновь крепко стиснуть веки от перехватившей дух боли. Еще один пинок. И еще. Вновь ругательство... только голос уже другой. Еще удар... минуту бы, одну только минуту, единственную, ту самую, которой нет!.. долю минуты хотя бы...

Нелепо, до чего же нелепо. Угодить под стрелу, сорваться со скалы и попасть под сапоги разъяренных своей ошибкой наемников — наемников, которые и охотились-то вовсе не на него... но прикончить они его все равно прикончат — то ли со

ГЛАВА 1

злости, то ли просто для того, чтобы не оставлять живого свидетеля... и не оставят... потому что никакая живучесть Эннеари сейчас не выручит... ведь ему не хватило минуты, всего лишь минуты... меньше даже, чем минуты... и он не успевал – теперь уже в самый последний раз.

Когда град пинков внезапно прекратился, а ругань сменилась воплями ужаса, Эннеари уже не мог подняться, не мог открыть глаза. Ему казалось, что он не здесь, а где-то далеко – и оттуда, издалека, он скорее угадал отрешенно, чем услышал тяжкое содрогание, подобное исполинскому смеху – Хохоющий Перевал недаром так назывался. А следом за содроганием пришел белый гром, накрыв собою всю седловину перевала. Он поглотил и тропу, и валун, и предсмертные крики убийц – поглотил, навалился, сдал обессиленное тело Эннеари и поволок за собой.

Какой эльф, если он в полном уме и сознании, под камнепад полезет!

Следом за этой гаснущей мыслью пришла другая, совсем уже неотчетливая, как последние отголоски дальнего эха.

Я не успел.

ГЛАВА 2

Если глядеть только на клинки, взлетающие навстречу небесной синеве и солнечному сиянию, легко можно было представить себе, что это сказочный великан жонглирует двумя кинжалами. Однако клинки были не кинжалами, а двуручными мечами, и в полет их посылал отнюдь не великан.

Бывший — давно, очень давно, десять уже лет, как бывший! — канцлер Селти проделывал это упражнение каждодневно. Не для того даже, чтобы не размякнуть — хотя и опуститься, утратить былую силу и сноровку... о таком он не мог и помыслить. Вообразить свое тело обрюзглым, согбенным, с обвисшими мускулами... о нет! И все же Селти жонглировал мечами не ради того, чтобы не утратить формы. Просто ему нравилось это занятие. Ему нравилось раз за разом покорять тяжелое могущество стали. Даже и одним двуручным мечом швыряться — всякий ли сможет? А он, Селти, заставляет летать два меча. Это повинуюсь велению его руки и ничьей иной, клинки летят вверх и вновь послушно подставляют рукояти своему господину. Это он, Селти, способен принудить их к послушанию. Это его сила смиряет упрямую тяжесть и посылает мечи в полет наперекор их природе.

Никто больше так не может. Никто. Во всем Найлиссе... и не только в Найлиссе.

Вверх, снова вверх... а потом — в горло воображаемого врага, и от плеча наискось, до пояса... полет — и падение... сладостный всхлип споротого воздуха, сияющая дуга замаха... и снова тяжкий, раздирающий естество полет.

Селти поймал мгновенно выблиснувшие на солнце мечи — как обычно, сначала левой рукой, потом правой. Он всегда обращал больше внимания на левую руку. Никто не любит сражаться с левшой. Даже он сам.

— Долго я еще буду ждать? — надменно поинтересовался он.

Замершие восхищенно оруженосцы наконец-то соизволили пошевелиться. Проклятье, ну почему Селти должен довольствоваться всяким нерасторопным дурачьем? Он, самый родовитый, самый могущественный из всех рыцарей Найлисса... разве такие слуги достойны его величия и мощи?

Оруженосцылевой и Правой Руки подскочили к господину почти одновременно и вытянулись в струнку, готовые исполнить свои обязанности. Селти усмехнулся в душе. Ничего, подождут. Раз уж они посмели заставить господина ждать себя — пусть-ка постоят, помяются. И пусть только попробуют вздох испустить или как еще недовольство выразить...

Оруженосцы не посмели. Что ж, их счастье. Выждав подобающее время, Селти отдал им мечи. Сначала левый, потом правый. Ничего не подделаешь, за все приходится платить. И за единственное в своем роде мастерство — тоже. Ни один сопляк,

